

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

К. Рыбу, Е. Лубо-Лесниченко

ОГЛАХТЫ И ЛОУЛАНЬ

(Две группы древних художественных тканей)

Материалы из Оглахтинского могильника, расположенного в 60 км к северу от Минусинска, на правом берегу Енисея, имеют важнейшее значение для изучения культуры населения Южной Сибири в Таштыкский период (II в. до н. э. — V в. н. э.). Случайно открытый местными жителями в начале нашего столетия, этот могильник был обследован в 1903 г. известным сибирским археологом А. В. Адриановым [1]. Его находки были введены в научный оборот Г. П. Сосновским [10] и А. Таллгреном [24] и приобрели широкую известность [3, стр. 220—225; 4, стр. 100—114]. Спустя 63 года после работ А. В. Адрианова, в 1969 г., этот могильник вновь был изучен советским археологом и историком Сибири Л. Р. Кызласовым¹. Материалы его экспедиции в настоящее время проходят реставрацию в Государственном Эрмитаже и готовятся к публикации².

Благодаря исключительной сухости почвы и благоприятным климатическим условиям в могильнике сохранились вещи, изготовленные из таких нестойких материалов, как дерево, кожа, мех, ткани. Существенное место среди находок в Оглахтах занимают полихромные узорные шелковые ткани. Так, в раскопанной А. В. Адриановым могиле № 1 подобная ткань обтягивала чучело головы [24, стр. 74, рис. 5]³ и другая ткань покрывала берестяной туесок [10, стр. 36; 24, стр. 85; рис. 22]. Другой туесок, обтянутый полихромной шелковой тканью, был обнаружен в могиле № 2 [24, стр. 85, рис. 23]⁴. Во время раскопок 1969 г. Л. Р. Кызласовым в могиле № 4 (Оглахты VI) был найден колчан из оленьей кожи, обшитый по краю шелковой тканью, составленной из нескольких фрагментов. Кроме того, кусочки ткани были обнаружены при реставрации куклы-манекена № 1 в могиле № 2. Фрагмент полихромной ткани также находится на «голове» куклы № 2 могилы № 4.

Ознакомление с орнаментацией и техникой этих тканей свидетельствует о том, что они были изготовлены в далекой Ханьской империи

¹ Авторы выражают глубокую благодарность Л. Р. Кызласову за предоставленную возможность работать над материалами его раскопок.

² Ко времени написания этой статьи вышло краткое предварительное сообщение о раскопках [17].

³ По сведениям, полученным от Л. Р. Кызласова, ткань хранится в Красноярском музее.

⁴ Следует отметить, что в Оглахтах, кроме узорных, было обнаружено и несколько гладких безузорных тканей.

{II в. до н. э.—II в. н. э.), на что уже обращали внимание Г. П. Сосновский и А. Таллгрэн [10, стр. 38—39; 24, стр. 82—86].

Находки на территории Южной Сибири ханьских тканей наряду с бронзовыми зеркалами и монетами отражали развитие внешних связей таштыкцев, входивших во II—I вв. до н. э. в гуннский союз племен [4, стр. 100—114]. Прошедшие далекий путь шелковые ткани высоко ценились местным населением. Об этом свидетельствует стремление использовать как украшения даже самые маленькие кусочки тканей.

Изучение узорных шелковых тканей, обнаруженных в Оглахтах, облегчается тем обстоятельством, что в настоящее время известно более пятидесяти полихромных узорных тканей ханьского периода. Эти ткани были найдены в основном или в районе трассы Великого шелкового пути (Лоулань, Ния, Эдзин-Гол, Лобнор, Дуньхуан), куда они попадали с торговыми караванами, или на территории Сибири и Монголии (Ноин-ула, Ильмовая падь, Оглахты), куда они проникали прежде всего в виде дани или подарков. Особо следует упомянуть могильник Ноин-ула (Северная Монголия), датированный началом нашей эры [26, стр. 28—31 яп. текста; 7]. Во время раскопок 1925 г. П. К. Козлов обнаружил там пятнадцать различных типов шелковых полихромных тканей ханьского времени. Эти ткани хранятся в Государственном Эрмитаже [6]. Другим важным центром находок ханьских тканей является известный могильник в Лоулане, обследованный А. Стейном во время его экспедиции 1913—1916 гг. и датированный им I в. до н. э.—II в. н. э. [21, vol. I, стр. 227]. Коллекция лоуланьских тканей, состоящая примерно из 25 различных типов, находится в Национальном музее Индии в г. Дели [15].

Характерной особенностью всех дошедших до нас полихромных шелковых тканей ханьского времени является то, что у них одинаковая техника изготовления. Как об этом уже писал один из авторов этой статьи: «Узор у них вырабатывается основами. Уточные нити всегда одноцветны и выполняют лишь две вспомогательные функции: связывают основные нити и проходят между работающей и неработающей основами, что позволяет, меняя основы, ткать узор... Нить основы проходит над тремя нитями утка, спускаясь под одну. На лицевой стороне ткани находится одна основа, остальные выходят на изнанку» [6, стр. 12]. Эта специфическая техника, возникнув, по-видимому, в глубокой древности [6, стр. 28—29], существовала в Китае до VII—VIII вв. н. э. [20; 25]. Обследованные нами оглахтинские ткани не представляют исключения, и все они изготовлены в этой технике⁵.

Среди узорных тканей, обнаруженных А. В. Адриановым, наше внимание прежде всего привлекает найденная в могиле № 2 ткань, покрывающая туесок. Она состоит из двух фрагментов (размеры 12 × 10,5 см и 9,5 × 10 см; рис. 1, 2). Ткань выполнена тремя основами темно-коричневого, светло-коричневого и темно-синего цветов. Орнамент ее состоит из облачных лент, соединенных с фигурами в виде волот с загнутыми зубцами. На лентах помещены различные звери, и в промежутках между ними вытканы иероглифы в стиле «лишу». На большем фрагменте сохранилось три иероглифа («и», «шоу» и «да») и на меньшем — два иероглифа («и» и «цзы»).

Поиски аналогий оглахтинской ткани заставляют нас обратить внимание на группу тканей из находок в Лоулане, схематическая прорисовка орнамента которых приведена А. Стейном [21, vol. III, pl. XLII,

⁵ В этой технике выполнен самый древний из известных нам образцов шелковых полихромных тканей, обнаруженный в Пазырыке и датированный V в. до н. э.

ЛС. I.06]. Детальное изучение этой группы, проведенное нами в Национальном музее (г. Дели), показало, что она, в свою очередь, распадается на три подгруппы, отличающиеся между собой раскраской, деталями орнамента и формой написания иероглифов.

Аналогия или, точнее сказать, полная тождественность оглахтинской ткани обнаруживается у серии фрагментов типа ЛС. I.06. У них одинаковое количество основ той же самой раскраски, одинаковая плотность нитей основы (120—130 на 1 см), а также полное совпадение всех деталей орнамента и формы написания иероглифов. Столь полное сходство заставляет утверждать, что оглахтинская ткань и лоуланьские фрагменты являются частями двух кусков одной и той же ткани.

Кроме Лоулани ткань, аналогичная оглахтинской, была обнаружена при раскопках, проводимых в 1959 г. в Ния. Как можно судить по описанию и иллюстрации (к сожалению, плохого качества), по своим техническим данным, орнаменту и надписи она также очень близка к ткани из Оглахтов [13, стр. 47, 59—62]. Ценность этой находки увеличивается тем, что ткань из Ния сохранилась в полную ширину.

Как уже упоминалось выше, в 1969 г. Л. Р. Кызласов в могиле № 4 обнаружил кожаный колчан, окаймленный полихромной шелковой тканью. Эта ткань состоит из пяти сшитых вместе фрагментов, общая длина которых составляет 31,3 см и ширина — от 1,6 до 2,4 см (рис. 3). Четыре фрагмента представляют собой части одного и того же куска ткани. На них можно различить части облачной ленты с завитками и иероглифы («дэн» и «гао» на фрагменте № 1, «гао» и «мин» на фрагменте № 2 и «хай» на фрагменте № 5). Фрагмент № 4 по техническим особенностям и окраске отличен от остальных. На нем также заметны остатки облачной ленты и иероглифы «шоу» и «вэй» (?).

Близкую аналогию четырем вышеупомянутым фрагментам дает ткань ЛС.08 из Лоуланя [21, vol. III, XLII]. Как лоуланьская, так и оглахтинская ткани выполнены тремя основами четырех цветов (темно-синий, светло-коричневый, беж и зеленый) и имеют одинаковую плотность нитей основы (138—144 на 1 см).

Детали орнамента и надпись оглахтинской ткани находят себе полное соответствие из ткани ЛС.08.

Ткань, покрывающая туесок из могилы № 1, раскопанной А. В. Адриановым (размер 15 × 10,5 см), выполнена двумя основами и имеет узор в виде светло-желтых квадратиков, образующих ромбы. В центре ромба — квадрат, составленный из пяти квадратиков. Фоновая основа образует полосы зеленого, синего, коричневого и других цветов [4, стр. 85, рис. 23]. Тождественный орнамент находится на ткани ЛС.01 из Лоуланя [21, vol. III, pl. XXXV].

Орнамент частично сохранился еще на двух фрагментах тканей из Оглахтов. Один из них, обнаруженный на одежде (кукла № 1, могила № 2, Оглахты VI, разм. 9 × 3,5 см), выработан двумя основами темно-синего и желтого цветов. На нем заметны детали узора в виде сильно стилизованных зооморфных форм и фантастических животных (рис. 4). Близкой аналогии этой ткани мы не знаем. Частично сохранившийся на оглахтинской ткани фантастический зверь с длинным хвостом и птичьей лапой близок к животному на лоуланьской ткани ЛС. II.01. [21, vol. III, pl. XXXVI].

Ткань на голове куклы (размер 4,5 × 4 см) также выработана двумя основами: одна из них, светло-песочного цвета, образует узор, другая — фоновые полосы светло-желтого, синего и кирпичного цветов. На ткани сохранились части облачной ленты и изображения зверя, по-

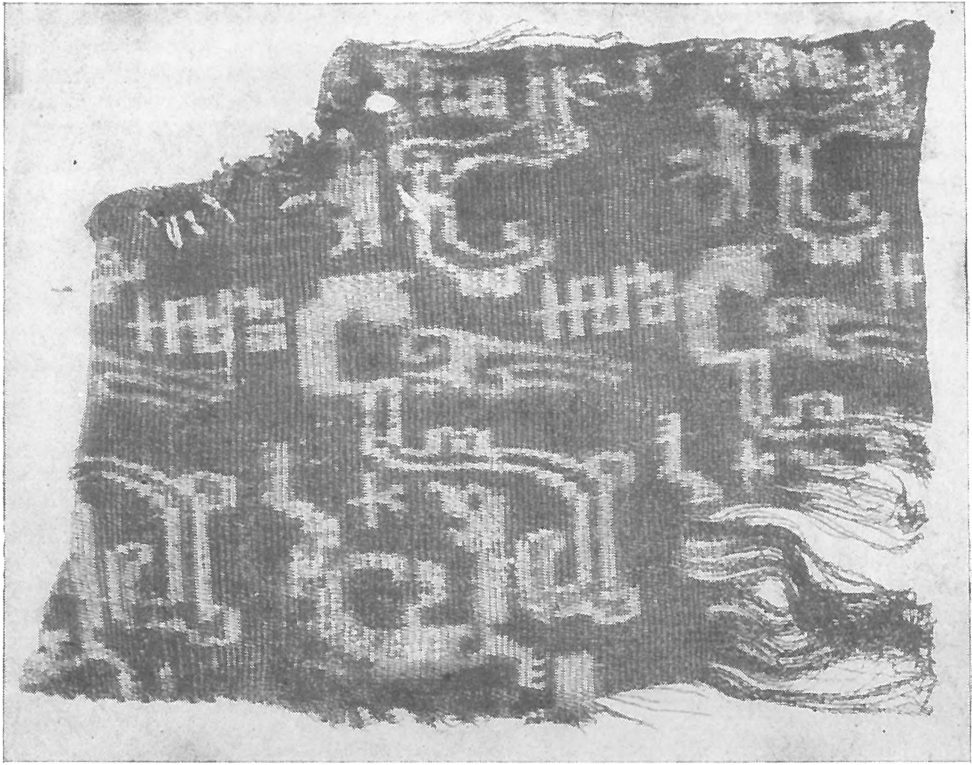

Рис. 2

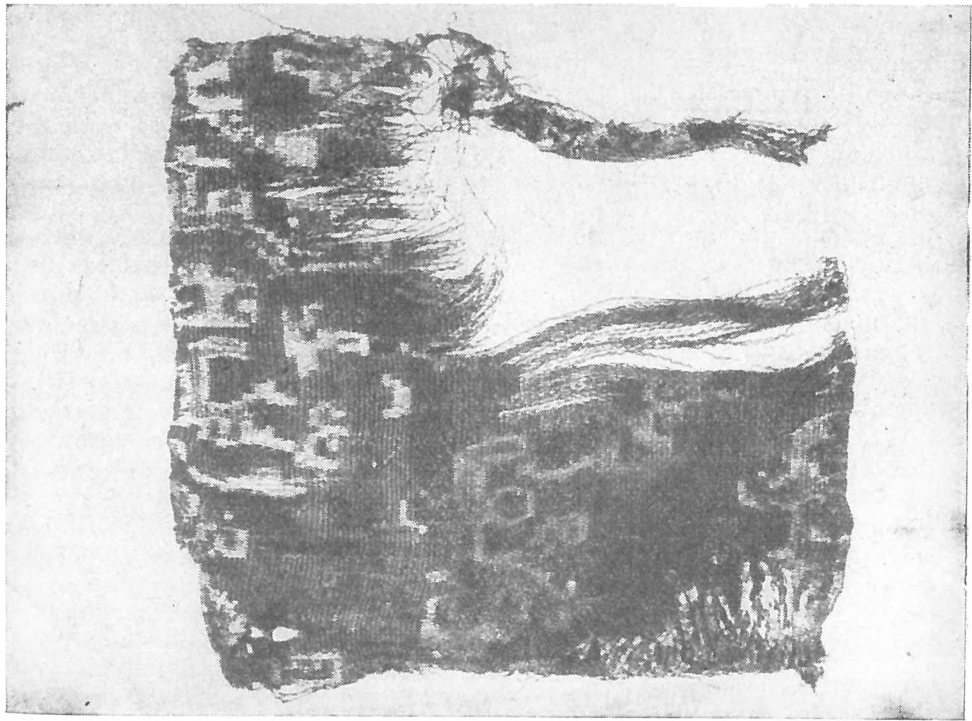

Рис. 1

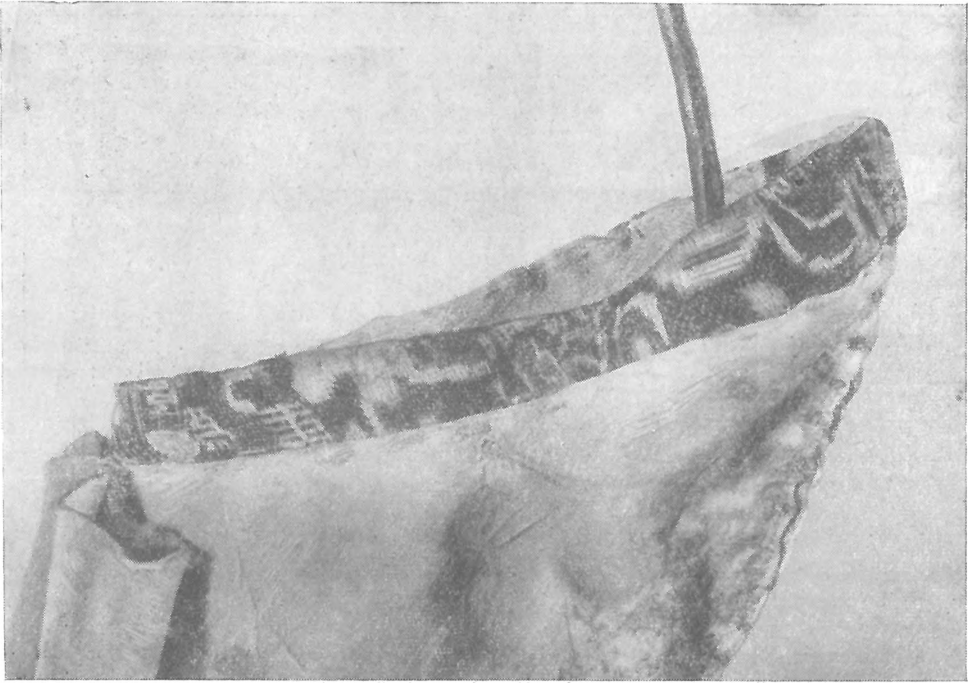

Рис. 3

хожего на собаку. Характерным признаком этой ткани является малый раппорт рисунка по основе, равный всего лишь 2,6 см.⁶

Таким образом, приведенные выше аналогии свидетельствуют о несомненной связи или, лучше сказать, родстве, существующем между оглахтинскими и лоуланскими тканями. Вместе с тем следует отметить, что материалы из другого крупного центра находок ханьских тканей — Ноин-улы — подобного сходства не дают.

Прежде чем как-то объяснить это любопытное явление, необходимо осветить связь между Лоуланем и Ноин-улой, с одной стороны, и остальными центрами находок тканей — с другой.

Раскопки в Ильмовой пади (Бурятская АССР) производились Г. П. Сосновским в 1928—1929 гг. Среди находок, датированных им I в. н. э., было обнаружено большое число кусков шелковой полихромной ткани [11, стр. 60—61, рис. 2; 6, стр. 37, табл. XXIV], которая по своим техническим качествам и рисунку близка к ткани ЛС.03 из Лоуланя, о чем уже писали авторы этой статьи совместно с Г. Виалем [19, стр. 25—96].

Во время раскопок, проводимых Синьцзянским музеем в районе древнего города Ния в 1959—1960 гг., были обнаружены три различные полихромные шелковые ткани, датированные периодом Восточной Хань (I—II вв. н. э.) [13, табл. I (цветная), II—III]. Одна из них, как уже упоминалось выше, аналогична оглахтинской ткани из могилы № 1 (раскопки Адрианова) и ткани ЛС.1.06 из Лоуланя.

В 1934 г. в нижнем течении р. Кумдарьи неподалеку от Лоуланя работала шведская археологическая экспедиция под руководством

⁶ Среди находок, сделанных Л. Р. Кызласовым, имеются еще пять фрагментов четырех различных полихромных тканей с неразличимым рисунком.

Рис. 4

Ф. Бергмана. Среди трех полихромных тканей, обнаруженных этой экспедицией, ткань 34:46 тождественна ткани LC.07 из Лоуляня [23, стр. 125—138; табл. 19 (a—d); 21, vol. III, pl. XXXV, XLII].

А. Стейн во время Второй экспедиции в Центральную Азию (1906—1908 гг.) производил обследование ханьских погребений I—II вв. н. э., расположенных близ Дуньхуана. При раскопках им были обнаружены фрагменты полихромных шелковых тканей трех различных типов. Одна из них (Т.XVa [21, 002a] имеет близкое сходство с тканями LC.031 и LC.V.017 из Лоуляня [22, vol. IV, pl. LV; 21, vol. III, pl. XXXV, XLII].

Единственным исключением являются находки в районе р. Эдзин-Гол (Внутренняя Монголия), сделанные в 1930—1931 гг. Ф. Бергманом и датированные I—II вв. н. э. Обнаруженные им четыре узорные полихромные ткани аналогий среди известного нам материала не имеют [23, стр. 115—125, pl. 16—18].

В результате проведенного сравнения можно сделать следующий вывод. Все известные нам полихромные шелковые ткани ханьского времени представляется возможным разделить на две большие группы.

Первая из них — Лоуланьская, которая наряду с материалами из Лоу-лани включает в себя почти все известные находки из других центров: Оглахтов, Ильмовой-пади, Нии, Кумдарьи, Дуньхуана (исключение составляет лишь маленький эдзин-гольский комплекс). Другая группа — это материалы из Ноин-улы, стоящие особняком и не имеющие аналогий ни в одном из перечисленных выше пунктов.

Пытаться объяснить это явление разницей в датах не представляется возможным, так как все находки укладываются в хронологическом отношении с I в. до н. э. по II в. н. э. Единственно возможное, на наш взгляд, предположение состоит в том, что ткани лоуланьской и ноин-улинской групп происходят из различных центров производства. Как уже говорилось, ноин-улинские ткани из погребений гуннских шаньюев были, по всей видимости, присланы в дар гуннам китайским двором [2]. Императорские мастерские, поставлявшие ткани для двора, находились в Сяньи (совр. провинция Шаньдун) и в Чанъани [6, стр. 13; 14, стр. 462]. Со значительной долей уверенности мы можем утверждать, что ноин-улинские ткани были выработаны в этих знаменитых мастерских древности. Вероятно, этим же можно объяснить присутствие в Ноин-уле таких уникальных образцов, как жертвенная ткань с орнаментом «фу фу», тканей с изображением пейзажа и священных птиц, рыбок и т. д. [6, табл. V, VIII, XI, XIV].

Что касается тканей лоуланьской группы, то она, как нам кажется, является продукцией других, скорее всего частных, мастерских и, возможно, других центров, как, например, Шу (современная Сычуань).

Прежде чем анализировать орнамент и давать перевод тканых надписей, представляется уместным привлечь данные «Е чжун цзи» — «Записок из столицы Е», составленных в период Цзинь (317—420 гг.) Лу Фэем. В «Записках из столицы Е» рассказывается о деяниях Ши Ху (Тайцзу У-ди, 335—349 гг.), правителя Позднего Чжао (319—350 гг.) — одного из эфемерных государственных образований на территории Северного Китая. Одна из историй, помещенных в «Записках», рассказывает, какие типы узоров тканей производились в то время в столице Чжао. Этот текст содержит самое раннее из дошедших до нас описание орнаментальных тканей, встречающееся в китайских письменных источниках. Приведем его полностью: «Ткацкий приказ находился в Среднем дворцовом управлении. Среди полихромных тканей там изготовляли [ткани] с большой [надписью] „подняться на вершину“ [„дэн гао“], с малой [надписью] „подняться на вершину“ [„дэн гао“], с большой [надписью] „талант блестящ“ [„мингуан“], с малой [надписью] „талант блестящ“ [„мингуан“], с большим [изображением] горы Бошань, с малым [изображением] горы Бошань, с большим [изображением] кизиловых побегсв, с малым [изображением] кизиловых побегов, с большим [изображением] драконов-цзяолун, с малым [изображением] драконов-цзяолун, полихромные ткани с узором из виноградных побегов, полихромные ткани с пятнистым орнаментом, полихромные ткани с изображением фениксов и птиц «чжуняо», полихромные ткани с узором «тао» (в виде птичьих голов?), полихромные ткани с орнаментом в виде персиковых косточек, а также белые репсовые ткани, желтые репсовые ткани, зеленые репсовые ткани, пурпурные репсовые ткани, шу'ские репсовые ткани. Работа была искусной, и изготовляли их во множестве, всех наименований перечислить было невозможно» [5, стр. 8].

Сведения, приведенные Лу Фэем, написаны на сто с лишним лет позже падения Ханьской империи. За это время в китайском орнамен-

тальном искусстве появились новые мотивы, пришедшие с Запада. К этим мотивам прежде всего следует отнести орнамент из виноградных завитков, упомянутый в «Записках». Вместе с тем большинство названных мотивов продолжают ханскую традицию.

Среди разнообразных типов орнамента на первое место Лу Фэй ставит изображения священной горы Бошань, а на второе — узоры в виде кизилowych побегов. Отождествление первой категории, упомянутой Лу Фэем, по-видимому, не вызывает сомнения. Названием «Бошань» в ханское время обозначалось стилизованное изображение даосского рая в виде облачных лент, реально существующих и фантастических существ [18, стр. 174—198; 6, стр. 44—46]. К категории «бошань» принадлежит весьма значительное число известных нам ханских тканей. Так, среди примерно сорока различных типов тканей из Лоуланя и Ноин-улы их число составляет 13. Сюда же из находок в Оглахтах следует отнести и ткань с туюэка из могилы № 1, ткань с колчана из могилы № 4, а также фрагмент на голове куклы.

Несколько сложнее отождествить вторую группу орнамента в виде «кизилowych» или «терновых» завитков, упомянутых Лу Фэем. В связи с изучением тканей, обнаруженных в Ния, Ся Най высказал предположение, что под этим обозначением скрывался широко распространенный в ханское время тип орнамента в виде листа, образованного волютами с отходящими от него отростками [13, стр. 59]. Иногда этот мотив изображался вместе с облачной лентой. Как и последние, этот орнамент имел зооморфное происхождение, представляя собой далеко зашедшую стилизацию «птицы-дракона» [6, стр. 39—40]. В ханское время его происхождение было забыто, и он стал рассматриваться как растительный орнамент, имеющий благовещное значение и прогоняющий злые влияния [13, стр. 59—60]. По распространенности этот орнамент занимает второе место после облачной ленты. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в находках из Лоуланя и Ноин-улы он представлен шестью образцами. К этой же категории следует, по-видимому, отнести и фрагмент ткани из одежды куклы из могилы № 2.

Характерной особенностью списка Лу Фэя является то, что он наряду с перечислением распространенных орнаментов упоминает и надписи, игравшие важную роль в орнаментации ханских тканей. Начиная с них классификацию, он в каждом случае дает лишь два иероглифа, которые должны были раскрыть смысл надписей и должны были быть понятны его современникам. К счастью, понять содержание этих надписей нам помогает имеющийся в нашем распоряжении материал. Как уже отмечалось, тканую надпись, начинающуюся с иероглифов «дэн гао», упомянутых Лу Фэем, содержат ткань LC.08 из Лоуланя и ткань, окаймляющая колчан, из Оглахтов. На лоуланьской ткани имеется шесть иероглифов, на оглахтинской — четыре (первые три и шестой иероглиф). Поскольку ткань LC.08 имеет в ширину около 15 см, т. е. менее трети полной ее ширины⁷, то мы вправе предположить наличие в надписи еще нескольких, не дошедших до нас иероглифов. Сохранившаяся ее часть переводится следующим образом: «Подняться на высокую вершину и наблюдать весь мир»⁸. Расшифровать скрытый смысл этой надписи помогает глава «Тянь гуань» из «Записок историка» Сыма Цяня. В одном из разделов этой главы рассказывается о

⁷ В ханское время ширина полихромных тканей была равна приблизительно 50 см [6, стр. 18—20].

⁸ Иероглифы «Гао мин» мы перевели как «высокая вершина» и «сыхай» (досл. «четыре моря») как «мир». См. Марахаси [9, т. XII, стр. 13213; т. III, стр. 2280—2281].

звездах и благоприятных и неблагоприятных знамениях на небе и их влиянии на жизнь государства. Далее текст говорит: «Что касается благовещих светил, то это светила, обладающие добродетелью „дэ“. Внешний вид их изменчив. Появляются они в государстве, следующим истинному пути — „дао“. При этом всегда наблюдают облака. Смотрят вверх и наблюдают их. На триста-четырееста ли вокруг — ровная поверхность. Если наблюдать во время заката, то [можно видеть] на две тысячи ли. Поднимаются на высокую гору и наблюдают их. Внизу прилегающие земли простираются на две тысячи ли» [12, цз. 27, стр. 434].

Из текста Сыма Цяня ясно, что в ханьское время эта надпись имела важное ритуально-магическое значение, что и заставило Лу Фэя в перечислении поставить ее на первое место.

Лоуланьские находки позволяют расшифровать и другой тип тканых надписей, упоминаемых «Записками из столицы Е». На двух тканях (ЛС.И.07а и ЛС.И.011) встречается надпись, состоящая из четырех иероглифов: «Чан лэ мин гуан» — «[Пусть Ваша] радость будет постоянной и [Ваш] талант блестящим» [16, стр. 1046]. Два последних иероглифа этой надписи совпадают с иероглифами, упомянутыми Лу Фэем.

Анализируя примерно 13 известных нам тканых надписей ханьского времени [16, vol. III, стр. 1045—1046; 13, стр. 58—59; 8], мы видим, что по смыслу их достаточно четко можно разделить на две группы: надписи благопожелательного характера, составляющие большинство (десять надписей), и надписи, имеющие религиозно-магический смысл (три надписи). Подобную классификацию их проводит и Лу Фэй, давая по одной, самой важной, по его представлению, надписи из обеих групп.

Надпись на оглахтинской ткани, покрывающей туесок, из могилы № 1, как уже упоминалось, сохранилась лишь частично. Полностью эта надпись восстанавливается на фрагментах аналогичной ткани из Лоуланя, и она же наблюдается на ткани из Ния. Полностью эта надпись переводится следующим образом: «Годы [Ваши да] продолжатся, пусть [Ваше] долголетие увеличится, пусть [у Вас] будут сыновья и внуки». Таким образом, видно, что это типичная благопожелательная надпись. Интересно отметить, что среди известных нам тканых надписей она является самой распространенной. Кроме упомянутых выше тканей из Оглахтов, Лоулани и Ния она встречается на лоуланьской ткани ЛС.И.03, имеющей отличный орнамент [21, vol. III, pl. XXXIV, 16, стр. 2046].

В заключение мы хотим высказать надежду, что введение в научный оборот новой и интересной группы древних орнаментальных тканей из Оглахтов позволит продвинуть еще на шаг наше представление об этом важном виде дальневосточного художественного ремесла.

1. Адрианов А. В., Оглахтинский могильник. Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», 1903, № 249, 254.
2. Бернштам А. Н., Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение, — «Известия АН СССР, Отделение общественных наук», 1937, № 4.
3. Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949.
4. Кызласов Л. Р., Таштыкская эпоха, М., 1960.
5. Лу Фэй, Е чжун цзи (Записки из столицы Е), Шанхай, 1937.
6. Лубо-Лесниченко Е., Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э.— III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа, Л., 1961.
7. Лубо-Лесниченко Е., Китайские лаковые изделия из Ноин-улы, — «Труды Государственного Эрмитажа», т. X, 1969.
8. Лубо-Лесниченко Е., Надписи на китайских шелковых тканях периода Хань в Государственном Эрмитаже, — «Эпиграфика Востока», XIII, 1960.

9. Марахаси, Дай канва дзитэн, Токио, 1956 (на яп. яз.).
10. Сосновский Г. П., О находках Оглахтинского могильника,— «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8.
11. Сосновский Г. П., Раскопки Ильмовой пади,— «Советская археология», VIII, 1945.
12. Сьма Цянь, Шицзи (Исторические записки), Шанхай, 1958 (на кит. яз.).
13. Ся Най, Синьцзян синь фасяньди гудай сычжипинь ци цзинь хэ цысю (Древние шелковые изделия: камки, полихромные ткани и вышивки, недавно обнаруженные в Синьцзяне), — «Каогу сюэбао», 1963, № 1 (на кит. яз.).
14. Цзань Бо-цзянь, Чжунго шиган (Краткая история Китая), т. 2, Шанхай, 1947 (на кит. яз.).
15. Andrews F. H., Descriptive Catalogue of Antiquities Recovered by Sir Aurel Stein During his Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, Delhi, 1935.
16. Giles L., Chinese Characters on Figured Silks,— в кн. A. Stein, Innermost Asia, Detailed Report of exploration in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, Oxford, 1928, vol. II.
17. Kyslassow L., Das Grabmal am Jenissey, Ideen des Exacten Wissens, 8/71.
18. Laufer B., Chinese Pottery of the Han Dynasty, Leiden, 1909.
19. Riboud K., Loubo-Lesnitchenko E., Vial G., A Comporative Study of two Similar Han Documents,— «Bulletin de liaison du Centre International d'Etude des textiles anciens», Lyon, 1968, № 28.
20. Riboud K., Vial G., Tissus de Touen-huang, Paris, 1970.
21. Stein A., Innermost Asia. Detailed Report of Exploration in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, vol. I—III, Oxford, 1928.
22. Stein A., Serindia. Detailed Report of Exploration in Central Asia and Westernmost China, vol. I—IV, Oxford, 1921.
23. Sylvan V., Investigations of Silk from Edsen-gol and Lob-nor, Stockholm, 1949.
24. Tallgren A. M., The South Siberian Cemetery of Oglakty from Han Period, Eurasia Septentrionalis Antiqua, vol. XI, Helsinkin, 1931.
25. «Textiles of Shosoin», Tokyo, 1965, vol. I—II.
26. Umehara S., Studies of Noin-ula Finds in North Mongolia, Tokyo, 1960.